

На правах рукописи: <http://archaeolog.ru/?id=13>

Глебов Вячеслав Петрович

**РАННЕСАРМАТСКАЯ КУЛЬТУРА НИЖНЕГО
ПОДОНЬЯ II - I вв. до н.э.**

Специальность 07.00.06 – Археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2009

Работа выполнена в отделе скифо-сарматской археологии Учреждения Российской академии наук Института археологии РАН и на кафедре Археологии, истории Древнего мира и Средних веков Южного федерального университета.

Научный руководитель: доктор исторических наук
Мошкова Марина Глебовна

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук **Скрипкин Анатолий Степанович**
кандидат исторических наук **Беглова Елена Алексеевна**

Ведущая организация: Московский государственный университет им. М.В.
Ломоносова

Защита состоится «15» «января» 2010 г. в 14-00 часов на заседании диссертационного совета Д002.007.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора исторических наук при Учреждении Российской академии наук Института археологии РАН по адресу Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии наук Института археологии РАН.

Автореферат диссертации разослан «10» «декабря» 2009 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
доктор исторических наук Дэвлет Е.Г.

Актуальность темы. Раннесарматская культура знаменует собой важную веху в истории как Нижнего Подонья, так и сопредельных регионов – Нижнего Поволжья и Северо-Восточного Причерноморья. С этого времени в указанных регионах начинается многовековое господство Nomadov восточного происхождения, известных под общим названием сарматы. Изучение истории и культуры сарматов имеет большое значение для понимания исторических процессов, протекавших в Северном Причерноморье в последних веках до н.э. - первых веках н.э.

Вопросы происхождения и генезиса раннесарматской культуры в настоящее время являются одной из наиболее активно разрабатываемых тем в отечественной сарматологии. Из наиболее актуальных проблем можно назвать: время и механизм сложения раннесарматской культуры, участие в её формировании инокультурных групп, причины миграции ранних сарматов, хронология и особенности освоения носителями раннесарматской культуры различных регионов евразийского степного пояса, время смены раннесарматской культуры среднесарматской, участие ранних сарматов в формировании среднесарматской культуры, характер отношений сарматов с оседлым населением Северного Причерноморья и других регионов, и пр.

Целью работы является обобщение и детальный анализ всего накопленного к настоящему времени материала, уточнение хронологии и периодизации раннесарматских древностей, реконструкция этнокультурных процессов и военно-политических событий, происходивших в Нижнем Подонье в эллинистическую эпоху, исследование участия кочевников-сарматов в важнейших событиях истории региона в последних веках до н.э.

Исходя из поставленной цели, в диссертации решаются следующие **задачи**:

- разработка типологии погребального инвентаря, датирование его по шкале относительной и абсолютной хронологии, выявление хронологических особенностей развития материальной культуры в различных районах нижнедонского региона;
- характеристика погребального обряда раннесарматской культуры, выявление региональных и хронологических особенностей погребального обряда;
- определение этапов и особенностей становления и развития раннесарматской археологической культуры в Нижнем Подонье;
- исследование отношений ранних сарматов с оседлым населением региона, оценка роли кочевников в истории Нижнего Подонья последних веков до н.э.

Территориальные рамки работы – бассейн Дона в нижнем течении (приблизительно до современного Цимлянского водохранилища) с притоками – Маныч, Сал, Егорлык, Северский Донец и пр. За южную границу условно принята линия реки Ея – верховья реки Егорлык – среднее течение реки Маныч – верховья реки Сал. Именно по этой широте проходила приблизительная граница волго-донского и кубано-ставропольского массивов памятников, имеющих весьма существенные различия. С севера и северо-запада исследуемая территория ограничена средним течением реки Северский Донец.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с рубежа III - II вв. до н.э. до начала I в. н.э. Нижний хронологический рубеж обусловлен датой появления в Нижнем Подонье памятников раннесарматской культуры, верхняя хронологическая граница размыта, так как определяется постепенными изменениями в стереотипе раннесарматской культуры под влиянием миксационных и ассимиляционных процессов, приведших к формированию среднесарматской культуры.

Методологической основой диссертации являются системно-типологический и сравнительно-аналитический методы изучения погребального обряда и материальной культуры ранних сарматов; принципы объективности и историзма, позволяющие рассматривать процессы и явления в динамике развития; комплексный подход – сопоставление полученных результатов с данными археологии соседних регионов, смежных областей науки (скифской, античной археологии) и сведениями письменных источников.

Источниковой базой исследования послужили материалы археологических раскопок курганных могильников на территории Нижнего Подонья с 30-х годов XX в. до настоящего времени. Общее количество раннесарматских комплексов составило около 500 погребений. Данные взяты из опубликованных работ, архивов и фондов музеев Ростовской области и архива Института

археологии РАН.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Впервые собран, обобщён и проанализирован весь раннесарматский материал Нижнего Подонья. Большая его часть (около 60% комплексов) введена в научный оборот впервые.

2. Для ряда категорий погребального инвентаря разработаны новые или уточнены уже существующие типологии.

3. Для датированных вещей определены по возможности узкие рамки бытования у ранних сарматов Нижнего Подонья. На этой базе намечена внутренняя периодизация нижнедонской раннесарматской культуры.

4. На основе анализа погребального обряда и инвентаря выявлена специфика раннесарматских памятников локальных районов.

5. Предложена концепция развития раннесарматской культуры Нижнего Подонья.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при изучении истории сарматов Нижнего Подонья, при написании как научных, так и обобщающих работ по археологии и истории сарматов, для разработки лекционных курсов, спецкурсов и спецсеминаров для студентов исторических факультетов ВУЗов, при написании учебных пособий, а также в музейной и краеведческой работе.

Апробация работы. По теме диссертационного исследования были подготовлены доклады, опубликованные в материалах 4, 5 и 6 Международных конференций «Проблемы сарматской археологии и истории» (Самара, 2000; Краснодар, 2004; Челябинск, 2007), 1 и 2 семинаров Центра по изучению истории и культуры сарматов, (Волгоград, 2006; 2007), в тезисах международных конференций «Боспорский феномен» (Санкт-Петербург, 2001, 2002, 2004), VIII Донской международной археологической конференции (Ростов-на-Дону, 2002), I и II Международных нижневолжских археологических конференциях (Волгоград, 2004; 2007) и др. Основные положения диссертации и ряд сюжетов, вошедших в диссертационную работу опубликованы в виде статей.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка библиографии и приложений, содержащих списки памятников, иллюстративный и табличный материал.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи исследования, очерчиваются географические и хронологические рамки работы, определяется её методологическая основа, источниковая база, практическая значимость и новизна исследования.

Глава 1 – «Историографический очерк» – посвящена истории изучения раннесарматских древностей и наиболее важным проблемам изучения раннесарматской культуры.

§ 1. История изучения раннесарматских древностей.

Интерес к истории сарматов возник в отечественной исторической науке в середине XVIII в. Основным вопросом, занимавших историков XVIII - XIX вв., ещё не имевших в своём распоряжении археологических материалов, было установление языковой и этнической принадлежности скифов и сарматов путём анализа античной традиции и данных лингвистики (М.В. Ломоносов, М.А. Щербатов, И.Н. Болтин, В.Н. Татищев, С.С. Богущ, Н.М. Карамзин). Важнейшим достижением исторической науки доархеологического периода в области изучения скифо-сарматской темы следует считать установление В.Ф. Миллером иранского происхождения скифов и сарматов.

С конца XIX в. начинается этап археологического изучения сарматских памятников в различных регионах юга России видными археологами того времени – Н.И. Веселовским, Ф.Д. Нефёдовым, А.А. Спицыным, В.А. Городцовым. Важнейшей вехой в отечественной сарматологии в начале XX в. явились труды М.И. Ростовцева. Среди наиболее важных достижений этого крупнейшего российского сарматолога дореволюционного периода следует назвать обобщение

всего известного археологического материала, комплексное изучение письменных источников и данных археологии, первую попытку периодизации сарматских археологических культур. Сравнив сарматские погребения Оренбуржья, Кубани, Дона и Приднепровья, М.И. Ростовцев сделал вывод о сходстве сарматских памятников в различных регионах и объединил их в общую сарматскую культуру, отличную от скифской и савроматской. М.И. Ростовцев стал автором миграционной концепции, согласно которой сарматы являлись пришельцами из глубин Центральной Азии, выпеснившими во II в. до н.э. из южно-русских степей скифов и савроматов.

С 1921 г. в Поволжье и Приуралье П.С. Рыковым, П.Д. Рау, Б.Н. Граковым, И.В. Сеницыным начали проводиться систематические планомерные раскопки сарматских погребальных памятников. Накопление материала привело к углублению научных исследований и попыткам создания периодизационных схем сарматских культур. Итогом этого периода стала работа Б.Н. Гракова «Пережитки матриархата у сарматов». Б.Н. Граковым была предложена чёткая хронологическая периодизация савромато-сарматских культур (ступеней), все четыре выделенные культуры Б.Н. Граков объединял в общую большую сарматскую культуру и подчёркивал их генетическую преемственность, несмотря на своеобразие каждой. Таким образом, в сарматоведении утвердилась эволюционно-автохтонистская модель развития сарматских культур, согласно которой все культуры были генетически связаны друг с другом, каждая возникала на базе предыдущей, хотя не отрицалась и определённая роль миграционного фактора.

В 50-80 гг. на базе масштабных раскопок и колоссального расширения источниковой базы сарматской археологии стало возможным углублённое исследование сарматских памятников различных регионов, уточнение особенностей развития и хронологии региональных вариантов сарматских культур, изучение отдельных сарматских культур, в том числе раннесарматской. Раннесарматская тематика разрабатывалась крупнейшими учёными этого периода – К.Ф. Смирновым, М.Г. Мошковой, В.П. Шиловым, предложившими различные концепции формирования раннесарматской (прохоровской) культуры. В последующие годы большие успехи были достигнуты в изучении региональных вариантов раннесарматской культуры – в Приуралье и Зауралье А.Х. Пшеничноком, Л.Т. Яблонским, А.Д. Таировым, С.Ю. Гуцаловым, в Поволжье Б.Ф. Железчиковым, А.С. Скрипкиным, В.М. Клепиковым, в Нижнем Подонье В.Е. Максименко, в Северном Причерноморье В.И. Костенко, А.В. Симоненко, в Предкавказье и Прикубанье В.Б. Виноградовым, А.М. Ждановским, И.И. Марченко, Н.Е. Берлизовым. Итогами этих исследований стало выявление своеобразия развития раннесарматской культуры в различных регионах, отказ от единой хронологии, уточнение региональной хронологии сарматских культур.

В 90-х гг. XX в. произошел отход от эволюционно-автохтонистской концепции и возрождение миграционной модели смены сарматских культур. А.С. Скрипкин предложил иные хронологические рамки раннесарматской и среднесарматской культур и подверг сомнению тезис о плавной эволюции этих культур. В результате его исследований были выявлены принципиальные различия в обрядности раннесарматской и среднесарматской культур. Рассмотрев вещевой комплекс раннесарматской и среднесарматской культур (прежде всего, фибулы, а также зеркала, вооружение, лепную и кружальную посуду), А.С. Скрипкин предложил сдвинуть хронологическую границу между раннесарматской и среднесарматской культурами к рубежу эр. Концепция А.С. Скрипкина была развита и дополнена другими сарматологами – И.В. Сергацковым, А.А. Глуховым, В.П. Глебовым. С мнением А.С. Скрипкина о верхней границе раннесарматской культуры и характере смены её среднесарматской не согласилась М.Г. Мошкова. Она отстаивает точку зрения, согласно которой сложение археологического комплекса среднесарматской культуры происходит на рубеже II - I вв. до н.э. и завершается к середине или первой трети I в. до н.э. на базе поступательного развития кочевого объединения Южного Приуралья, не отрицая и влияния внешних инноваций.

§ 2. Наиболее важные проблемы изучения раннесарматской культуры на современном этапе.

Место, время и характер формирования раннесарматской культуры.

По мнению ряда исследователей, формирование основных особенностей раннесарматской (прохоровской) археологической культуры происходит первоначально в Южном Зауралье уже в конце VI - V вв. до н.э. (А.Д. Таиров, А.Х. Пшеничнок и др.). Все исследователи подчеркивают участие в сложении раннесарматской культуры зауральского лесостепного населения и

миграционных групп кочавников из Средней Азии. С.Ю. Гуцалов предполагает и мощный миграционный импульс из Причерноморской Скифии. В IV - III вв. до н.э. происходят миграции раннесарматского населения на запад из-за перенаселённости Зауралья-Приуралья и ухудшения климатических условий.

Удревнение раннесарматской культуры вызвало возражения со стороны М.Г. Мошковой. По её мнению, зауральские памятники конца VI - V вв. до н.э., выделенные в «древнепрохоровский» этап (А.Д. Таиров), не отличаются по погребальному обряду и инвентарю от «савроматской» культуры Южного Приуралья, поэтому более правомерно рассматривать их как зауральский локальный вариант этой культуры.

Проблема хиатуса III в. до н.э.

По мере накопления материала и уточнения хронологии раннесарматских древностей возникли трудности в выделении памятников III в. до н.э. Сегодня во многих степных регионах не удаётся выделить достоверные кочевнические погребальные памятники III в. до н.э., за исключением комплексов ранней части столетия.

Согласно одной из точек зрения на данную проблему, памятники номадов развитого III в. до н.э. не выделяются по той причине, что в больших регионах степи в это время в силу каких-то обстоятельств вообще отсутствовало постоянное кочевое население (С.В. Полин, Н.Е. Берлизов, В.Ю. Зуев). В связи с этим встал вопрос о единстве раннесарматской культуры V - I вв. до н.э. и генетической преемственности ранних и поздних памятников раннесарматской культуры – выявление большого хронологического разрыва между ними, при существенных различиях в погребальном обряде и вещевом комплексе, поставило под сомнение правомерность объединения этих памятников в одну культуру (В.Ю. Зуев). Вторая точка зрения основана на идее непрерывного развития раннесарматской культуры (А.С. Скрипкин, В.М. Клепиков, М.Г. Мошкова, Л.Т. Яблонский и др.). Согласно этой концепции, памятники III в. до н.э. трудно выделить из общей массы раннесарматских комплексов, поскольку они не содержат узкодатирующих импортов-хроноиндикаторов. Для выявления памятников III в. до н.э. В.М. Клепиков предложил метод «зажатых датировок». В результате В.М. Клепиковым и А.С. Скрипкиным был составлен список вещей-индикаторов III в. до н.э. – колчаные наборы, состоящие только из бронзовых или бронзовых и железных втульчатых наконечников стрел, бронзовые ворворки, железные втоки копий, лепные сосуды с примесью талька в тесте и др. На основании этих исследований волгоградские учёные попытались выделить в Нижнем Поволжье пласт сарматских памятников III в. до н.э., которые ранее не удавалось выявить из-за отсутствия в них импортных предметов.

Проблема времени и характера освоения сарматами Нижнего Подонья и Северного Причерноморья.

В отечественной науке существуют различные мнения о времени и характере освоения сарматами Нижнего Подонья и Северного Причерноморья. М.П. Абрамова, рассмотрев известные к началу 60-х гг. прошлого столетия раннесарматские погребения Дона и Украины, отметила, что они датируются не ранее II в. до н.э. Однако Д.А. Мачинский, основываясь на сведениях письменных источников, выдвинул гипотезу о том, что Нижнее Подонье было сарматским уже в IV - III вв. до н.э. По мнению ряда исследователей Подонье было одной из тех территорий, откуда в конце первой трети III в. до н.э. совершались походы сарматов, ставшие причиной гибели «Великой Скифии», разрушений и прекращения жизни едва ли не на всех поселениях греков и варваров в Северном Причерноморье.

В дискуссию с этими исследователями вступил С.В. Полин, отрицающий не только существование длительного завоевательного периода в процессе освоения сарматами Северного Причерноморья, но и сам факт завоевания. Проведя тщательный анализ скифских и сарматских комплексов Северного Причерноморья и прилегающих территорий, С.В. Полин пришел к выводу, что памятники номадов скифской эпохи в Северном Причерноморье исчезают в начале III в. до н.э. из-за резкого ухудшения природно-климатических условий, а появление сарматов в Нижнем Подонье и Северном Причерноморье имело место не ранее II в. до н.э., что же до раннесарматских погребений, относимых к III в. до н.э., то в большинстве своём они неправильно датированы или неверно атрибутированы. Проанализировав письменные источники, С.В. Полин и А.В. Симоненко

убедительно доказали, что все упоминания сарматов у античных авторов IV - III вв. до н.э. неопределённые, спорные, и не дают никаких оснований для предположения о сколько-нибудь массовом проникновении сарматов в Северное Причерноморье ранее II в. до н.э.

§ 3. Изучение раннесарматских древностей Нижнего Подонья.

Первые раннесарматские погребения были обнаружены при эпизодических раскопках степных курганов в 30-50-х гг. XX в. археологическими экспедициями ИИМК. Большая часть раннесарматского материала была накоплена в результате многолетних раскопок в 60-90-х годах в зонах масштабных новостроечных работ экспедициями ИА и ЛОИА АН СССР, Археологической лаборатории РГУ, Азовского краеведческого музея, Ростовского областного музея краеведения, Новочеркасского музея донского казачества и других организаций.

Основными трудами по сарматам Нижнего Подонья являются монографии В.Е. Максименко «Савроматы и сарматы на Нижнем Дону» (1983) и «Сарматы на Дону» (1998), в которых обобщен весь накопленный к началу 80-х гг. прошлого столетия сарматский материал. В.Е. Максименко показал отличия раннесарматских памятников от памятников савроматского времени, обосновал их миграционный характер и определил время прихода ранних сарматов в Нижнее Подонье, попытался выделить локальные группы памятников, сопоставил данные археологии со сведениями письменных источников. Проанализировав раннесарматский материал, В.Е. Максименко сделал вывод о появлении в Нижнем Подонье новой волны кочевников – носителей раннесарматской (прохоровской) культуры, продвинувшихся с востока вдоль левого берега Дона не ранее конца III в. до н.э. и переправившихся на правобережье не ранее начала II в. до н.э. Многие аспекты савромато-раннесарматской проблематики получили развитие в отдельных статьях В.Е. Максименко. Кроме того, следует отметить многочисленные публикации нижнедонских раннесарматских памятников и обобщающие работы по отдельным проблемам М.В. Власкина, Л.С. Ильюкова, А.В. Захарова, В.П. Глебова, И.Н. Парусимова и других донских археологов.

Глава 2 – «Погребальный инвентарь раннесарматской культуры Нижнего Подонья».

В ряде случаев использованы уже существующие классификационные схемы, дополненные и уточнённые новыми находками. Для некоторых категорий вещей созданы новые типологии. Особое внимание уделено вопросам хронологии (как абсолютной, так и относительной) материальной культуры, предприняты попытки уточнения датировок всех категорий инвентаря, для которых могут быть установлены сколько-нибудь узкие рамки бытования.

Лепная посуда делится на две больших группы – округлодонные и плоскодонные сосуды, в отдельную группу выделены лепные курительницы. Типы и варианты выделяются на основании устойчивого сочетания формы и пропорций тулова, горла, дна. Нижнедонской материал подтверждает давно отмеченную тенденцию смены округлодонной посуды плоскодонной; возможно, переходной формой являлась выпуклодонная посуда. Большая часть округлодонных и выпуклодонных сосудов тяготеет к памятникам раннего горизонта, хотя отдельные экземпляры встречаются и на заключительном этапе раннесарматской культуры.

Импортная кружальная посуда разделена на группы различного происхождения: сероглиняная кубанская (меотская) и предкавказская, красноглиняная боспорская. Сероглиняные кубанские и предкавказские сосуды появляются уже в памятниках начала раннесарматского периода Нижнего Подонья, однако массовый приток к сарматам сероглиняной посуды фиксируется ближе к финалу раннесарматской эпохи. Многие сосуды могут датироваться и I в. н.э., некоторые – преимущественно I в. н.э. или только I в. н.э. Если в погребениях раннего горизонта находки боспорской посуды единичны, то в могильниках развитого и финального этапов раннесарматской культуры красноглиняная керамика представлена гораздо лучше, хотя и уступает количественно сероглиняной. Из всех форм импортной кружальной керамики наибольшей популярностью у сарматов пользовались кувшины и кружки, прочая посуда представлена гораздо слабее.

Отдельно рассматриваются амфоры и редкие формы импортной керамической и металлической посуды. Даты большинства из этих вещей могут быть установлены в пределах II-I вв. до н.э., ряд предметов датируется более узко: синопская амфора (Ливенцовский VII 30-5) – конец II -

начало или первая половина I в. до н.э., родосская амфора с клеймами (1-я Весёловская группа, к. 4) – конец 80 - 60 гг. II в. до н.э., лаковые канфары – конец III в. до н.э. - 30-е гг. II в. до н.э., «мегарские» чаши – вторая четверть - конец II в. до н.э., унгентарии – II в. до н.э. или середина II - первая половина I вв. до н.э., сковорода «Айлесфорд» – 90 - 10 или 90 - 50 гг. до н.э. Хронология некоторых вещей не исключает и I в. н.э. (краснолаковые кувшинчики, лагинос и др.).

Вооружение. Втульчатые железные наконечники стрел с короткой или средних размеров трёхгранно-трёхлопастной головкой (тип 1, варианты 1, 2) в нижнедонском регионе редки – сегодня известно всего несколько погребений со смешанными наборами втульчатых и черешковых железных наконечников. Очевидно, что втульчатые наконечники у сарматов ко времени их прихода на Нижний Дон в основном уже сменились черешковыми. Несколько комплексов с колчанскими наборами, состоящими только из втульчатых железных наконечников стрел с головками средних или длинных пропорций (тип 1, варианты 2, 3) и ориентацией погребённых в западный сектор (Алитуб, к. 3 («Крестовый»), п. 20, п. 7, Новолакедемоновский курган, п. 2, Койсуг, к. 5, п. 12 и др.), вероятно, принадлежат мигрантам из кубано-ставропольского региона, где втульчатые наконечники таких типов доминируют до рубежа эр. Среди черешковых наконечников наиболее ранними являются наконечники с трёхгранными головками (тип 1) и наконечники с трёхлопастными головками и длинными черешками (тип 2 вариант 1). Такие наконечники часто встречаются в погребениях с вещами раннего облика: округлодонной посудой, зеркалами большого диаметра с валиком по краю и клиновидной ручкой, мечами с серповидным навершием и пр. Ранним признаком можно считать четырёхгранность черешков стрел. Основное большинство наконечников стрел развитой раннесарматской культуры в Нижнем Подонье составляют железные трёхлопастные наконечники с головками высоких пропорций и средними или короткими черешками (тип 2, варианты 2, 3). Таким образом, развитие черешковых наконечников шло по линии укорачивания черешка, выделения лопастей и перехода от четырёхгранного черешка к округлому в сечении. Показательно, что в раннесарматских погребениях Нижнего Подонья не известны достоверные случаи находок наборов бронзовых наконечников стрел. По мнению В.М. Клепикова и А.С. Скрипкина период бытования бронзовых стрел у сарматов ограничивается III в. до н.э. (Клепиков, 2002; Клепиков, Скрипкин, 2002).

Мечи раннесарматской культуры Нижнего Подонья представлены следующими основными отделами: мечи с серповидным навершием, мечи с кольцевидным навершием, мечи без металлического навершия, отмечены находки мечей с архаичными волнообразными навершиями. Развитие мечей в раннесарматскую эпоху шло по линии постепенной замены серповидного навершия кольцевидным и подтреугольного клинка клинком с параллельными лезвиями, сужающимися ближе к острию. Преобладание мечей с серповидными навершиями наблюдается в наиболее ранних памятниках раннесарматской культуры Нижнего Подонья – Подгорненские, Попов, Койсуг и др. Отмечена повышенная встречаемость их с округлодонной лепной посудой, зеркалами большого диаметра с валиком по краю диска и клиновидной ручкой, наконечниками стрел ранних типов. Мечи с кольцевидными навершиями в памятниках этого горизонта тоже присутствуют, хотя их и немного (Ясырев III 1-7; Подгорненский IV 7-3). Со временем кольцевидные навершия вытесняют серповидные. В комплексах развитого и финального этапов раннесарматской культуры мечи с кольцевидными навершиями уже составляют большинство, а мечи с серповидными навершиями встречаются лишь эпизодически. Мечи без навершия и перекрестья представляют собой универсальную форму оружия, известную во все периоды сарматской истории. К этому отделу принадлежат все немногочисленные длинные (свыше 70 см) «всаднические» мечи.

Наконечники копий найдены в шести погребениях. Все наконечники разнотипны и различаются размерами. Примечательно, что у копий из нижнедонских раннесарматских погребений отсутствуют втоки. Считается, что втоки копий у сарматов выходят из употребления не позднее III в. до н.э. (Хазанов, 1971; Клепиков, 2002).

Защитное вооружение представлено только шлемами типа «Монтефортино» из жертвенно-поминальных комплексов («кладов»). Ранее считалось, что большинство этих кельто-италийских шлемов датируется в пределах IV-III вв. до н.э., но в Северное Причерноморье они попадают

значительно позже с сарматами или кельтами – участниками войн Митридата VI Евпатора с Римом в Малой Азии (Раев и др., 1990). Однако, согласно исследованиям Ю.П. Зайцева, время производства шлемов с орнаментом в виде треугольных фигур и бегущей волной по современной европейской хронологии приходится не на IV - III вв. до н.э., а на II в. до н.э., возможно не исключая конца III в. до н.э. (Зайцев, 2005; 2008).

Конская упряжь. Удила, обычно с псалиями, найдены в пяти комплексах, ещё в одном найден фрагмент бронзового псалия(?). Удила железные, двусоставные, с кольчатыми окончаниями звеньев, псалии обычно стержневидные, двудырчатые. Фалары встречены только в составе жертвенно-поминальных комплексов («кладов»): Федулов, Таганрог, Рестумов II.

Зеркала. Выделено несколько отделов: зеркала с плоским диском (подавляющее большинство небольшого диаметра – 6-11 см), зеркала с валиком по краю диска и клиновидными ручками, зеркала с валиком по краю диска с выпуклостью в центре, зеркала с бортиком по краю диска, зеркала с валиком по средней части диска, плоские зеркала прямоугольной формы. Подавляющее большинство зеркал раннесарматского времени принадлежит к двум основным разновидностям – крупные зеркала с валиком по краю диска и клиновидной ручкой-штырём (отдел 2) и небольшие зеркала в виде плоского диска без ручки (отдел 1, тип 2). Крупные зеркала с валиком по краю диска и клиновидной ручкой-штырём (44,7% всех находок зеркал), тяготеют к памятникам раннего этапа, расположенным в восточных районах левобережья. Зеркала в виде небольшого плоского диска без ручки (41,5% всех находок зеркал) известны уже в комплексах раннего горизонта нижнедонской раннесарматской культуры, в памятниках развитого и финального этапов они становятся преобладающей формой зеркал. Прочие отделы зеркал представлены небольшим количеством экземпляров.

Фибулы представлены несколькими типами. Фибулы среднелатенской схемы (8 экз.) – в настоящее время появление их принято относить к первой половине или середине II в. до н.э., а выход их из моды – к середине I в. до н.э. Подвязные лучковые фибулы (3 экз.), согласно новейшим исследованиям, появляются в конце II в. до н.э. или на рубеже II-I вв. до н.э. «Воинские» прогнутые фибулы (2 экз.) датируются второй половиной I в. до н.э. - началом или первой половиной I в. н.э.

В специальных разделах рассмотрены предметы культа и туалета (костяные ложечки, костяные оправы гребней, костяные и меловые статуэтки, каменные «молоточки», различные амулеты и пр.), пряжки, застёжки, наконечники ремней, различные орудия труда (ножи, шилья и проколки, пряслица, тёрочки (лощила) и пр.), украшения (гривны, серьги, височные кольца, перстни, браслеты, бляшки, бусы). Время бытования некоторых типов бус уточнено благодаря находкам их в погребениях раннесарматского времени.

Анализ взаимовстречаемости различных типов вещей позволяет выделить в вещевом материале две хронологические группы.

1 группа – вещи раннего горизонта: округлодонная лепная посуда, красноглиняные кружальные кувшины типа 1/вариант 1 и типа 2, наконечники стрел ранних типов (втульчатые, черешковые с трёхгранными или трёхгранно-трёхлопастными головками, длинными черешками, зачастую четырёхгранными), мечи с серповидным навершием, восьмёрковидные пряжки, зеркала большого диаметра с валиком по краю и клиновидной ручкой (отдел 3), чашевидные курильницы (тип 1), чашевидные алебастровые сосудики низких пропорций (тип 1). Показательно, что среди вещей ранней группы отсутствуют индикаторы III в. до н.э. по В.М. Клепикову и А.С. Скрипкину: бронзовые наконечники стрел, бронзовые ворворки, железные втоки копий, лепные сосуды с примесью талька в тесте и др. Таким образом, эта группа вещей должна датироваться в рамках какой-то части II в. до н.э.

2 группа – вещи позднего горизонта: большинство кружальных красноглиняных и сероглиняных сосудов, наконечники стрел типа 2, варианты 2, 3 (трёхлопастные черешковые с головками высоких пропорций и средними или короткими черешками), мечи с кольцевым навершием, зеркала в виде плоских дисков небольшого диаметра (отдел 1, тип 2), наборы курильниц, состоящие из сосудиков типа 2 и 3 (большой и малой цилиндрических), алебастровые сосудики закрытых форм (тип 2, 3, 4). Эта группа вещей датируется в основном I в. до н.э., возможно, не исключая и поздней части II в. до н.э. Судя по датам импортных вещей-хроноиндикаторов (лучковые

и «воинские» фибулы, краснолаковые кувшины из п. 4 к. 19 мог. Алитуб и п. 2 к. 2 мог. Тузлуки II, сероглиняный кувшин из п. 1 к. 1 мог. Красногоровка II, кувшинчики-кружки из п. 3 к. 25 мог. Балабинский I и п. 9 к. 8 мог. Сагванский I), датировка этой группы вещей может включать и начало - первую половину I в. н.э.

Общая дата раннесарматской культуры, таким образом, укладывается в рамки II - I вв. до н.э., вероятно, с заходом в начало - первую половину I в. н.э.

Глава 3 – «Погребальная обрядность и жертвенно-поминальные комплексы раннесарматской культуры Нижнего Подонья».

Абсолютное большинство раннесарматских погребений Нижнего Подонья впускные в курганы более ранних эпох – 93,3 %. Около 28% курганов содержали группы раннесарматских погребений – от 3 до 10-11, приблизительно в 20% курганов встречено по два погребения, в остальных случаях (около 52%) – по одному раннесарматскому погребению. Кольцевое или полукольцевое расположение могил отмечено в 14 курганах (6,5%), рядное – в 30 курганах (14,5%), погребения, составляющие пары, зафиксированы в 31 кургане (15,5%), в прочих случаях захоронения не имели видимого порядка. Случаи возведения насыпей над раннесарматскими погребениями единичны: всего 7 курганов (3,5% от общего числа курганов).

Всего выделено 7 типов погребальных сооружений: подпрямоугольные ямы – 52% (у абсолютного большинства ям ширина составляет менее 1/2 длины, т.е., они относятся к категории узких), подбои – 27%, ямы с заплечиками – 9%, овальные ямы – 3,8%, ямы неправильной формы – 6,4%, катакомбы – около 1,8%. В ряде случаев отмечены нетипичные погребальные сооружения: две заплечиковые ямы, соединённые перемычкой в единую конструкцию, могильная конструкция, сочетавшая заплечиковую яму и подбой в восточной стенке, двухъярусные погребения (с подзахоронениями). В большинстве погребений отмечены остатки подстилок, перекрытий, закладов входа. Остатки гробов или иных деревянных конструкций зафиксированы в 76 захоронениях (около 15% от общего числа погребений).

Абсолютно преобладают одиночные погребения – их около 87%. Распределение одиночных погребений по полу и возрасту выглядит следующим образом: мужские погребения – 29,5%, женские погребения – 39,5%, взрослые погребения с неопределённым полом – 14,5%, подростковые погребения (12-15 лет) – 5%, детские погребения (до 12 лет) – 11,5%. Парных погребений насчитывается около 10%. Коллективные захоронения, содержащие более 2-х погребённых, составляют только 3%.

Традиционным в раннесарматской культуре можно считать положение погребённого вытянуто на спине – более 90%, отклонения от этого правила (положение скорченно или вытянуто на боку, частичное разрушение или расчленение костяка) редки.

Варианты ориентировки распределились по сторонам света следующим образом: южный сектор (Ю, ЮЮВ, ЮЮЗ) – 65,5 %, ЮВ – 4,8%, западный сектор (З, ЗЮЗ, ЗСЗ) – 9%, ЮЗ – 5,6%, восточный сектор (В, ВЮВ, ВСВ) – 5,6%, СВ – 0,9%, северный сектор (С, ССВ, ССЗ) – 7,8%, СЗ – 0,8%.

В специальных разделах исследованы состав и закономерности размещения различных категорий инвентаря (посуда, вооружение, предметы культа, орудия труда, украшения и пр.) и напутственной пищи в мужских, женских и детских погребениях.

Отдельный раздел посвящён жертвенно-поминальным комплексам (т.н. «кладам»). Находки таких «кладов» (близкие по составу наборы предметов, большинство которых связано с воинским обиходом) зафиксированы во всём северопричерноморском макрорегионе – от Балкан до Кавказа. В Нижнем Подонье сегодня известно шесть таких жертвенно-поминальных комплексов II - I вв. до н.э.: Весёлый – шлем «Монтефортино», меч с серповидным навершием и бронзовая бляшка; Федулов – набор украшений конской упряжи: фалары, бляхи, бляшки с золотой обкладкой, ворворки, Таганрог – набор фаларов, подвеска с изображением Афины, Новопрехоровка – шлем «Монтефортино»; Новочеркасский музей донского казачества – шлем «Монтефортино» и ситула

«Баргфельд», предположительно составляющие единый комплекс (место находки не известно); могильник Рестумов II, к. I – котёл, удила, псалии, фалары, наконечники ремней, железные наконечники стрел, железная пряжка, бронзовое кольцо, фрагмент бронзового зеркала. Комплекс из Грушевского могильника близ Новочеркасска (псевдоаттический шлем, панцирные пластины, наносник, псалии, фалары, ворворки, наконечник копья, наконечники стрел, амфоры, фрагменты кружальных и лепных сосудов), очевидно, относится к более раннему времени – дата его по амфорному материалу устанавливается в рамках конца IV - начала III вв. до н.э.

По версии А.В. Симоненко и Е.Ф. Рединой, эти комплексы связаны с кратким пребыванием в Северном Причерноморье сарматов в составе войск союзников Митридата VI Евпатора в начале I в. до н.э. (Редина, Симоненко, 2002). Однако по наблюдениям Ю.П. Зайцева в центральной Европе этот обряд известен с гальштаттского времени, на Северных Балканах фиксируется в IV - III вв. до н.э., отсюда на протяжении IV - I вв. до н.э. распространяется на восток. Культуру «вотивных кладов» в Северном Причерноморье Ю.П. Зайцев считает не сарматской, а позднескифской (Зайцев, 2007).

Глава 4 – «Раннесарматский период в истории Нижнего Подонья».

Вопросы становления раннесарматской культуры в нижнедонском регионе напрямую связаны с проблемами хиатуса III в. до н.э. и генетической преемственности памятников раннего и позднего периодов раннесарматской культуры. При существовании нескольких различных периодизационных схем раннесарматской культуры, общепризнанным является её деление на два хронологических периода – ранний и поздний, погребальные памятники которых во многом отличаются друг от друга, с границей по III веку до н.э. Поэтому для понимания исторических процессов, проходивших в Нижнем Подонье во II - I вв. до н.э., необходимо хотя бы кратко рассмотреть памятники нижнедонских кочевников предшествующего периода и этно-политическую обстановку в регионе в это время.

§ 1. Памятники кочевников Нижнего Подонья IV - начала III вв. до н.э. Нижнедонские памятники восточного происхождения представляют собой основные или впускные захоронения в широких или узких прямоугольных ямах, реже в подбоях, одиночные или парные, обычно с южной, иногда с широтной ориентацией. Всего в Нижнем Подонье по разным оценкам их насчитывается около полутора-двух десятков. Эти памятники не образуют компактных территориальных групп, локализуются преимущественно на левобережье Дона, хотя есть и на правом берегу. Критериями для выделения комплексов восточного происхождения послужили инновации в обрядности и материальной культуре: южная ориентировка погребённых, иногда диагональное положение в могильной яме, подбойные могилы, мечи переходного типа и пр. Не столь ясна ситуация с небольшой группой погребений в дромосных могилах, открытых в могильниках Шолоховский, Сладковский, Кашеевский, Нижнедонские Частые курганы в нижнем течении Северского Донца. Среди различных точек зрения на происхождение этих памятников есть и «восточная» версия, основанная на широком распространении дромосных могил и некоторых типов вещей, присутствующих в донецких погребениях, в Поволжье и Южном Приуралье (Клепиков, Скрипкин, 1997; Скрипкин, 2004). Широкая дата группы комплексов восточного происхождения – IV в. до н.э. (возможно, не исключая конца V в. до н.э.) - начало III в. до н.э. Ряд погребений может быть датирован более узко.

Нижнедонские кочевнические памятники восточного облика IV в. до н.э. соотносятся исследователями с ранее неизвестным на Нижнем Дону этнонимом сирматы (Эвдокс, «Землеописание», I, 1; Псевдо-Скилак, «Перипл», 68). Появление этих комплексов на Дону считается результатом миграции части кочевого населения Южного Приуралья на запад, имевшей в Нижнем Подонье характер относительно мирного проникновения (диффузии) отдельных групп номадов (Максименко, 1983; Смирнов, 1984; Клепиков, 1999).

Наряду с комплексами восточного облика в нижнедонском регионе известны и другие памятники, среди которых выделяются погребения, оставленные номадами западного происхождения, видимо, скифской этнокультурной принадлежности. Погребальные памятники, идентифицируемые с кочевыми скифами – катакомбные и подбойные захоронения с ровиками и

богатыми тризнами под индивидуальными насыпями, появляются в Нижнем Подонье в середине IV в. до н.э. и существуют до начала III в. до н.э., расположены довольно компактно в низовьях Дона, как на левобережье, так и на правом берегу.

Таким образом, нижнедонской регион в IV - начале III вв. до н.э. не был сарматским. Степное Нижнее Подонье в этот период было заселено кочевниками, принадлежавшими к нескольким различным этнокультурным группам, как западного, так и восточного происхождения. Вероятно, в рассматриваемое время доминирующей в военно-политическом отношении силой в степях Нижнего Подонья являлись кочевые скифы. Строительство и разрушение укреплений Елизаветовского городища, скорее всего, связано именно с их деятельностью, а не с экспансией савроматов или сарматов. Военная активность последних на Нижнем Дону и в Северном Причерноморье в IV - III вв. до н.э., вопреки сложившемуся мнению, не находит достоверных подтверждений в источниках.

Проблема хиатуса III в. до н.э. Приблизительно в конце первой трети III в. до н.э. Елизаветовский эмпорий гибнет наряду со многими греческими и варварскими поселениями Северного Причерноморья. Единственным памятником оседлого населения на Нижнем Дону остаётся Танаис. Примерно в это же время меняется и ситуация в степи – происходит если не полное исчезновение, то резкое сокращение кочевого населения Нижнего Подонья.

В настоящее время датировки большинства нижнедонских погребальных памятников кочевого и оседлого населения, ранее датированных III в. до н.э., пересмотрены, и верхним хронологическим рубежом практически всех комплексов, поддающихся сколько-нибудь узкой датировке, является начало III в. до н.э. Возможно, среди нижнедонских погребений, не содержащих узкодатируемых импортных вещей и суммарно датирующихся IV - III или III - II вв. до н.э., могут оказаться и комплексы развитого III в. до н.э. Однако факт полного отсутствия датируемых (импортных) предметов в гипотетических нижнедонских кочевнических погребениях развитого III в. до н.э. объяснить трудно, так как в устье Дона на протяжении всего этого «тёмного времени» существует Танаис, выведенный в начале III в. до н.э., очевидно, как раз для торговли с номадами.

Трудности с выделением погребальных памятников номадов развитого III в. до н.э. в Нижнем Подонье вполне вписываются в картину общего запустения в это время степей к западу от Волги. В Северном Причерноморье и Среднем Подонье памятники номадов скифской эпохи также исчезают в начале III в. до н.э., на Кубани, по мнению одних исследователей, памятники номадов развитого III в. до н.э. представлены (Марченко, 1996), по мнению других – отсутствуют (Берлизов, 1996; Зуев, 2002). В Нижнем Поволжье В.М. Клепиков и А.С. Скрипкин выделяют горизонт сарматских комплексов, занимающих промежуточное положение в хронологической шкале между хорошо датированными древностями IV в. до н.э. и II - I вв. до н.э. Однако в Нижнем Подонье и Северном Причерноморье раннесарматские погребения с индикаторами III в. до н.э. по В.М. Клепикову и А.С. Скрипкину отсутствуют.

Более чем вероятно, что исчезновение погребальных памятников кочевников каким-то образом связано с катастрофой, поразившей в конце первой трети III в. до н.э. всё Северное Причерноморье с Нижним и Средним Подоньем. Как известно, во всех этих регионах в указанное время происходит почти единовременное прекращение жизни едва ли не на всех стационарных сельских (и даже на некоторых городских) поселениях, на многих памятниках зафиксированы следы боевых действий и пожаров. По мнению ряда исследователей, причиной этой катастрофы стала серия опустошительных набегов сарматов. Однако Нижнее Подонье вряд ли могло служить базой сарматских набегов, т.к. нижнедонской регион в это время не был сарматским – среди памятников нижнедонских номадов IV - начала III вв. до н.э. лишь небольшая часть имеет восточное происхождение и может быть сопоставлена с сирматами письменных источников. Более вероятно, что донские и северопричерноморские номады вместе с оседлым населением стали жертвами катаклизма, а не его виновниками.

Итак, период IV - начала III вв. до н.э. на Нижнем Дону не может быть охарактеризован как раннесарматский. Можно говорить лишь об инфильтрации отдельных групп восточных номадов, составивших часть пёстрого кочевого мира Нижнего Подонья IV - начала III вв. до н.э. Их памятники исчезают в начале III в. до н.э. вместе с памятниками других кочевников нижнедонского региона.

Номады II - I вв. до н.э. представляли собой новый миграционный импульс с востока, гораздо более мощный, чем в IV в. до н.э., в результате которого сарматы заняли весь нижнедонской регион и распространились далее на запад до Днепра.

§ 2. Время и характер освоения ранними сарматами нижнедонских степей. Особенности формирования раннесарматской культуры в различных районах Нижнего Подонья. Инокультурные группы в составе раннесарматской культуры Нижнего Подонья.

Комплексы с наиболее ранними хроноиндикаторами могут быть датированы в пределах первой половины или средней части II в. до н.э. – тризна из к. 4 1-й Весёловской группы с клейменной родосской амфорой (конец 80 - 60 гг. II в. до н.э.), п. 29А к. 1 мог. Кулешовка и п. 6 к. 2 мог. Весёлый с лаковыми канфарами малоазийского производства (конец III в. до н.э. - 30-е гг. II в. до н.э.). Весьма вероятно, что некоторые могильники (Подгорненские, Ясырев, Холодный, Попов, Койсуг и др.), в которых преобладают вещи раннего облика – мечи с серповидными навершиями, железные наконечники стрел с трёхгранными головками и длинными четырёхгранными черешками, зеркала большого диаметра с валиком по краю, лепная округлодонная посуда, могут относиться к несколько более раннему времени. Однако, как уже отмечалось выше, в погребениях этих могильников отсутствуют индикаторы III в. до н.э. – колчаные наборы, состоящие только из бронзовых или бронзовых и железных втульчатых наконечников стрел, бронзовые ворворки, железные втоки копий, лепные сосуды с примесью талька в тесте и др. Время появления на Нижнем Дону памятников раннесарматской культуры, таким образом, можно приблизительно определить как начало II в. до н.э.

Эта дата косвенно подтверждается сведениями других источников. Прежде всего, это строительство цитадели Танаиса – четырёхугольника мощных стен с башнями. Время строительства основной части укреплений достаточно надежно устанавливается по амфорным клеймам как самый конец III или начало II вв. до н.э. (Шелов, 1970; Арсеньева, Ильяшенко, 2001). Этим же временем датируются повсеместные следы разрушений и пожаров на поселениях европейского Боспора, строительство укреплений большинства позднескифских городищ, создание общей системы обороны Крымской Скифии и другие свидетельства дестабилизации обстановки в Северном Причерноморье. Именно к этому периоду относится и первое достоверное упоминание о присутствии сарматов на этих территориях – договор 179 г. до н.э. между Фарнаком Понтийским и рядом малоазийских государств.

Картографирование раннесарматских комплексов II - I вв. до н.э. в Нижнем Подонье выявляет несколько районов их наибольшей концентрации: I район – прицимлянские районы донского левобережья, среднее течение рек Сал и Маньч; II район – левобережье р. Дон и нижнее течение рек Маньч и Сал (большая часть памятников тяготеет к низовьям рек); III район – правобережье р. Дон от дельты до устья р. Северский Донец (большая часть памятников тяготеет к районам, прилегающим к дельте).

Наиболее ранние памятники тяготеют к I району (могильники Подгорненские, Ясырев, Попов и др. в наиболее восточных районах левобережья), выявлены также во II районе (в низовьях Сала и Маньча – Донской, Чепрак IV, Весёлый, ряд погребений из Алитуба, Отрадный II и др., в низовьях Дона – Койсуг, ряд погребений из Кулешовки и Красногоровки и др.). Большинство комплексов III района имеют более поздний облик. Плотное заселение сарматами правобережья Дона произошло, вероятно, несколько позже – не ранее середины - второй половины II в. до н.э.

Раннесарматские памятники распределены по территории нижнедонского региона неравномерно – если на левобережье Дона их насчитывается около 400, то на правобережье только 100. Крупные семейно-родовые могильники (по мнению большинства исследователей, привязанные к зимникам) тяготеют к обширной пойме левого берега Дона, районам, прилегающим к донской дельте, и к сало-маньчскому бассейну. В глубинных районах степи погребальных памятников гораздо меньше, и представлены они, как правило, одиночными погребениями или небольшими сериями. Никаких следов седентаризации сарматов в Нижнем Подонье пока не обнаружено.

Раннесарматская культура Нижнего Подонья в целом довольно монолитна в плане обрядности и материальной культуры. Прослеживается лишь инфильтрация в среду донских сарматов небольших групп кочевников из соседних регионов – Предкавказья и Северного Причерноморья.

§ 3. Проблемы изучения ранних сарматов Нижнего Подонья и Северо-Восточного Причерноморья по данным письменных источников.

Считается, что сведения о сарматах в Подонье и Причерноморье появляются у античных авторов IV - III вв. до н.э.: упоминание озера с дурным запахом (Сиваша?) в Сарматии у Гераклида Понтийского, легенда о сарматской царице Амаге Полиена, рассказ о разорении Скифии савроматами Диодора Сицилийского, декрет «О несении Диониса» и др. Однако эти данные отрывочны, противоречивы и допускают возможность различных трактовок (Полин, Симоненко, 1997). Представляется, что первым надёжно датированным источником, фиксирующим сарматов в Нижнем Подонье и Северо-Восточном Причерноморье, следует считать договор 179 г. до н.э. между Фарнаком Понтийским и рядом малоазийских государств, в тексте которого среди европейских властителей упоминается сарматский царь Гатал (Полибий, «Всеобщая история», XXV, 2, 12). Расселение сарматов в нижнедонских и северопричерноморских степях и вступление их в контакты с местными греками в первой половине II в. до н.э., очевидно, маркируется появлением имён раво-сарматов в текстах Дельфийских манумиссий – наиболее ранняя надпись о продаже «рабыни по имени Фила, родом сарматки» датирована 170-157/6 гг. до н.э.

Степное население Нижнего Подонья рассматриваемого периода может быть уверенно сопоставлено с этнонимом аорсы – «аорсы ... живут по течению Танаиса» (Страбон, «География», XI, 5, 8). Страбон приводит данные о происхождении аорсов: «аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племён, живущих выше» и сообщает ряд интересных сведений об их торговле с боспорянами, участии в войне Фарнака с римлянами и др.

Помимо аорсов на Дону, письменные источники фиксируют в южнорусских степях во II - I вв. до н.э. целый ряд новых этнонимов – верхние аорсы в Прикаспии, сираки на Северном Кавказе, роксоланы и сатархи в Северном Причерноморье. А.С. Скрипкин высказал гипотезу о соотношении всего этого конгломерата ранее не известных этнонимов с миграционной волной, исходным толчком для которой послужило вытеснение хуннами юэчжей из Ганьсу в конце III - первой половине II вв. до н.э. (Скрипкин, 2000). В качестве подтверждения этой гипотезы А.В. Скрипкин приводит ряд инноваций восточного облика (зачастую очень близких китайским, хуннским, среднеазиатским образцам), появившихся в раннесарматской культуре не ранее II - I вв. до н.э.: длинные мечи с небольшими ромбическими перекрестьями и штыревидными рукоятями без навершия, миниатюрные бронзовые модельки котлов и горитов, бронзовые ажурные пряжки с изображением лежащих верблюдов, гагатовые поясные пряжки, а кроме того, некоторые типы гробовищ, существенный процент северной ориентировки и многое другое.

А.С. Скрипкин датирует приход этой миграционной волны в волго-донской регион приблизительно серединой II в. до н.э., сопоставляя это событие с традиционной датой нападения кочевников на восточные рубежи Греко-Бактрийского царства (140 - 130 гг. до н.э.). В Нижнем Подонье появление первых памятников раннесарматской культуры фиксируется как будто несколько раньше – скорее всего, в начале II в. до н.э. Представляется, что первые подвижки значительных масс кочевников на запад могли иметь место уже после крупных поражений юэчжей от шаньюя Маодуня в конце III в. до н.э., наверняка сопровождавшихся территориальными утратами и отходом на запад групп номадов, лишившихся пастбищ.

§ 4. Финал раннесарматской культуры Нижнего Подонья.

В районе рубежа эр, возможно несколько раньше или позже, происходит смена раннесарматской культуры среднесарматской. В археологическом отношении это выглядит как распространение волны памятников с новым погребальным обрядом и элементами материальной культуры восточного облика, глобальная дестабилизация всего кочевого мира, образование новых «археологических провинций». Письменные источники фиксируют сдвиг всех раннесарматских племен на запад и отмечают появление нового этнонима – аланы. Судя по археологическим и письменным источникам, носители раннесарматской культуры были частично вытеснены на запад, частично вошли в состав среднесарматской культурно-исторической общности и постепенно были ассимилированы. Таким образом, раннесарматская культура не исчезает сразу и бесследно. Существование групп раннесарматского населения в рамках среднесарматской культуры (своеобразных анклавов), постепенно размываемых в процессе культурно-этнической миксации

(могильники Новый, Семёнкин, Первомайский VII и др.) прослеживается на протяжении большей части I в. н.э.

В **Заключении** содержатся основные выводы диссертации.

Список публикаций автора по теме диссертации

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, утверждённых ВАК

Министерства образования и науки РФ

1. Глебов В.П. Номады Нижнего Подонья эллинистической эпохи (конец IV - I в. до н.э.) / В.П. Глебов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2008. – №5. – С. 52-56.

Статьи и тезисы докладов

2. Глебов В.П. К вопросу о генезисе раннесарматской культуры / В.П. Глебов // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 93-95.

3. Глебов В.П. О заключительной фазе раннесарматской культуры на Нижнем Дону / В.П. Глебов // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Самара, 2000. – Вып. 2. – С. 170-186.

4. Глебов В.П. Новые сарматские погребения в бассейне р. Сал (о соотношении раннесарматской и среднесарматской культур) / В.П. Глебов, И.Н. Парусимов // Сарматы и их соседи на Дону. – 2000. – Вып. 1. – С. 61-89.

5. Глебов В.П. Еще раз о проблеме III в. до н.э. / В.П. Глебов // Боспорский феномен. – СПб., 2002. – Часть 2. – С. 186-197.

6. Глебов В.П. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья / В.П. Глебов // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 127-133.

7. Глебов В.П. О некоторых проблемах хронологии раннесарматской культуры Нижнего Подонья // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2005. – Вып. 7. – С. 34-50.

8. Глебов В.П. Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону / В.П. Глебов // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. – Волгоград, 2007. – Вып. II. – С. 59-82.

9. Глебов В.П. Вооружение и военное дело кочевников Нижнего Подонья раннесарматского времени / В.П. Глебов // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск, 2007. – С. 88-98.

10. Глебов В.П. Раннесарматские погребения с мечами переходного типа в Нижнем Подонье / В.П. Глебов В.П., В.Г. Житников // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – 2008. – Том III. – С. 104-111.